Внезапное прозрение Куропаткина

Автор:
Мария Метлицкая

Внезапное прозрение Куропаткина

Мария Метлицкая

«Куропаткин смотрел в окно и грустил. Точнее, печалился. В последнее время жизнь все чаще показывала Куропаткину дулю. Нет, все понятно – в стране снова кризис, бизнес загибается не только у Куропаткина, все жалуются, скулят и ноют, но все же от этого лично ему не легче никак. Да если бы только бизнес! Все как-то не складывается, по всем, как говорится, фронтам и азимутам. Инка совсем обнаглела – теперь стало окончательно понятно, что ласка и нежность у таких, как его жена, проявляется только при полном материальном благополучии. Когда все в шоколаде. Короче, когда хреново, не жди никакой поддержки. А он, дурак, все еще ждал. Матушка посмеивалась: „Миленький мой, какой же ты дурачок! Ведь я говорила. Инка твоя – до поры. Черненьким не полюбит, и не надейся!“…»

Мария Метлицкая

Внезапное прозрение Куропаткина

Куропаткин смотрел в окно и грустил. Точнее, печалился. В последнее время жизнь все чаще показывала Куропаткину дулю. Нет, все понятно – в стране снова кризис, бизнес загибается не только у Куропаткина, все жалуются, скулят и ноют, но все же от этого лично ему не легче никак. Да если бы только бизнес! Все как-то не складывается, по всем, как говорится, фронтам и азимутам. Инка совсем обнаглела – теперь стало окончательно понятно, что ласка и нежность у таких, как его жена, проявляется только при полном материальном благополучии. Когда все в шоколаде. Короче, когда хреново, не жди никакой

поддержки. А он, дурак, все еще ждал. Матушка посмеивалась: «Миленький мой, какой же ты дурачок! Ведь я говорила. Инка твоя – до поры. Черненьким не полюбит, и не надейся!»

Надо признать, что матушка – женщина умная. А он, Куропаткин… Снова дурак. Про его благоверную матушка всегда говорила правильно. Та не нравилась ей никогда. Вердикт был вынесен сразу – капризная, избалованная, ленивая и очень охоча до денег.

Матушка – женщина умная, опыт большой. И чего было ее не послушать?

Когда сходились, Куропаткин матушку слушать отказывался. Да и кто кого слушает, когда всюду горит? От Инки балдел и тащился. Оно и понятно – красивая баба, очень красивая. Высокая, стройная, ноги там, грудь. Ох, эти ноги! Болван Куропаткин. Кто в тридцать семь смотрит на ноги? Только дурак! Нет, смотрят, конечно, все. А вот в жены умные люди берут не по ногам. На характер смотрят, на домовитость. На скромность.

Теперь, говорят, даже секретарш богатые люди берут на работу не по ногам. Время такое настало – время умных.

А он балдел, когда они с Инкой шли рядом. Просто от гордости перло. Такая баба и – только моя!

Ну, и так далее – в смысле интима. Тут она тоже… В смысле – ему показала. Где раки зимуют. И он опять обалдел. Такая женщина, бог ты мой! И снова рядом со мной!

Короче, увел Куропаткин Инку от мужа. Купил в ипотеку квартиру. Неслабую, кстати. Три комнаты, холл, обеденная зона и два туалета. Сделал ремонт – тоже нехилый. Ну и привел любимую. Любимая осталась довольна – только вот не одобрила мебель. Пришлось заказать новую, итальянскую, по каталогам. Снова в долги. Ей, любимой, – ни слова. Пусть спит спокойно и думает, что Куропаткин крутой. Потом поменяли машину – Инка сказала, что хочется джип. Снова кредит. Но ничего – как-то тянул. Бизнес тогда шел неплохо. Нервничал, правда. Ночами не спал – ворочался, мучился, мысли вертелись как карусель. А если, а вдруг? Блин, как накаркал!

Еще Инна Ивановна любила моря летом и горы зимой. Моря – Средиземное, Эгейское, Ионическое. Ну а горы – понятно же, Альпы. Лучше Швейцарские или Французские. Ну, и здесь пришлось поднатужиться. Чего не сделаешь ради любимой? Да! Еще шубки, пальтишки, косметички, педикюрши и все остальное.

А что тут скажешь – шикарной дамочке положен приличный уход. Однажды он что-то попробовал вякнуть – ну, типа, попозже. Сейчас трудновато, родная. Прости.

Инна Ивановна бровки взметнула, глазками – сверк, чисто молнии, носик нахмурила.

– Ты что, Куропаткин? Прикалываешься? Ты в чем мне отказываешь? В массаже и в маникюре? Ты спятил? А как я выйду на улицу? Ты об этом подумал? Лахудрой буду ходить? Ты, милый мой, сначала подумай, а потом говори. Я тебя, между прочим, ни разу не обманула. В смысле – потребностей. И никогда не скрывала, к чему я привыкла. А ты теперь жмешься?

Инна Ивановна так расстроилась, что вот-вот заплачет. Носиком хлюпнула, и слезки из прекрасных глазок брызнули, как вода из клизмы – чисто актриса! Хотелось захлопать.

– Я, Куропаткин, от мужа ушла! К тебе, между прочим. Ушла от прекрасного человека! Щедрого, кстати. Уж он никогда – никогда, Куропаткин, – мне не сказал, что я много трачу. И я, Куропаткин, не шубу новую у тебя прошу. А, кстати, могла бы. Моей уже целых три года. Забыл? И не машину. Хотя ей, старушке, тоже лет двести. И не остров в океане. Ты, Куропаткин, не видел других. Такие есть бабы. Не то что я, скромница.

Сказала про этих баб с каким-то скрытым восторгом и завистью. А может, ему показалось?

«Слава богу, – подумал Куропаткин, потея спиной, – мне и тебя, королевны, хватает. О, как хватает, по самое горло. Скромница, блин!»

Все – про себя. А вслух усмехнулся. Это – про первого мужа, щедрого и прекрасного. Ну, тут вообще смех. Первый муж Инны Ивановны был человеком пьющим и ненадежным. Деньги водились, но к первому пороку присовокуплялся

второй – «прекрасный и щедрый» играл. В казино. Ну, здесь все понятно – такие штуки до добра не доводят. Пришлось продать роскошную квартиру, пару машин, да и брюлики свои Инна Ивановна частенько носила в ломбард. Всяко было. И разно – Куропаткин потерей памяти не страдал. В отличие от прекрасной и сказочной Инны Ивановны.

А вот любимую память частенько подводила. От расстройства и нервов, наверное. Такое бывает от стресса – частичное выпадение памяти, амнезия называется.

Но, как говорится, поздно пить боржоми, когда почки отвалились. Поздно. Потому что был еще сынок. Ванька. Такой пацан, что… В общем, у Куропаткина сердце падало, когда Ванька его обнимал.

Да и тянуло его к Инке не меньше, чем раньше. А даже, наверное, больше. Как говорится, чем больше вложишь…

В общем, тянул Куропаткин, как мог. Из последних оставшихся сил. Чтоб сохранить достойный уровень жизни. И чтоб благоверная мозг не выносила. Ну, и чтоб у сыночка, у Ваньки, все было.

– Ты же отец! – говорила жена. – Ты же мужчина! А в мужчине главное – это ответственность.

Матушка злобилась и невестку еле терпела. Тоже только из-за внучка. А так, говорила, баба никчемная. «Ни о чем», как сейчас говорят. Ни украсть, ни посторожить.

Куропаткин вяло отмахивался и мамашины выпады терпел молча. Понимал – права. А куда денешься?

– Я ее, мам, люблю, – говорил он, – а уж про Ваньку что говорить!

Матушка махала рукой – безнадежно.

– Ты всегда, Коля, был извращенцем. Никогда хороших девушек у тебя не было. Всегда тебя тянуло к ярким леденцам. Без обертки. А без обертки они замусолены чужими руками.

А теперь все было совсем плохо. Бизнес катился с горы. Да так быстро! Кредиты жали, держали в тисках. Как конец месяца – у Куропаткина аут. Лежит и глядит в потолок. А любимая злится. Злобится, чашки швыряет. Так глянет – ну, застрелиться.

Все понимал, теперь уже все. И еще понимал, что от Ваньки он не уйдет. Никогда. А если уйдет? Что решится? Что переменится? Кредиты его не закроют. Долги не простят. Проблем за него не решат. И не пожалеют его, дурака. Ну, если родная жена не жалеет…

А тут еще эта стерва Полина. Его секретарша и главный помощник. Боевая подруга. Сама говорила – мы с тобой, Николай, навсегда. Уж я тебя никогда не подставлю. И вправду, столько вместе соли съели – стали родными. А тут? Стала требовать, дура, прибавку к зарплате. В нынешние-то тяжкие времена! Ну, поругались, поорали, и он ей бросил:

– Не нравится – двери открыты!

Сказал сгоряча, все понятно. А эта засранка? Вещички в пакетик сгребла – и к двери.

А у двери обернулась и гнусно хихикнула.

– И поделом тебе, Куропаткин. Лох ты педальный. Правильно Инка твоя говорит.

И дверью – бац! Как по мозгам.

Дрянь. Конечно, стерва. Какая стерва! А самое обидное – что Инку сюда приплела. Знала, что больно. Но без нее стало лихо. Совсем. Ковыряется Куропаткин в бумагах и путается. Все контакты у Полины в ее телефонах, все клиенты.

И понял Куропаткин, что пропадает. Совсем. Окончательно.

Что делать? Идти на поклон? Увеличить зарплату? С чего? Звонить этой дуре и умолять о прощении? «Ох, бабы! – горестно думал он. – Совсем вы меня замотали. Достали совсем. Все вы… одним миром мазаны. А может, действительно я извращенец? Может, матушка права?»

Сделал подборку из прежних и охнул – точно! Все, что были до Инки, – как на подбор. Из себя ничего, с ногами и сиськами, а вот со всем остальным… дело плохо. Все капризничали, требовали подарки, мелко торговались и крупно хамили.

Ни одной ведь не было другой! Ну, тихой, милой, скромной. Глаза в пол. Чтоб пожалела, ну, въехала чтоб! Не нравились такие Куропаткину. Не его сексотип. Совсем загрустил.

За окном накрапывал дождь. Мелкий, противный. Колкий, наверное. Он даже поежился – брр!

Чертова осень. Под стать настроению.

И снова затосковал. Так захотелось в тепло. На горячий песочек, под нежное солнце. Лечь и забыться – под тихий шум волн. И чтобы никто – вот никто – не просил и не требовал. Ничего!

А просто его бы любили. Просто любили и просто жалели. Или хотя бы сочувствовали.

Но – не видеть ему белого песочка и не слушать прибой еще долго. А может, и никогда.

Куропаткин вышел в приемную (громко, конечно, сказано – весь офис тридцать квадратов вместе с приемной) и попробовал включить кофемашину. Тыркался, дергался. Чертыхался. А не получилось. Запорол целых три капсулы, обжег руку паром и громко выругался – совсем неприлично.

Потом открыл ноутбук и дал объявление. О приеме на работу секретаря. Ну, и требования всякие. Что, в общем, понятно.

Потом надел плащ, щелкнул выключателем, запер дверь и вышел вон. К черту все. К черту! Вот поеду сейчас и напьюсь. К Мишке Труфанову, старому другу, он не откажет – он по этому делу любитель. Ну, и еще потрындеть по душам. Про баб и про жен. Плюс политическая обстановка в стране и в мире. Кризис, дефолт и кредит. Обычные темы мужских разговоров.

Он зашел в лифт, достал мобильник и набрал Труфана. Тот ответил не сразу, видно, только проснулся. Потом оживился и даже обрадовался.

– Приезжай, Колян. Побалдеем! Только, – замялся Мишка, – жрачки возьми. У меня – ни черта. Полный голяк, мышь повесилась!

«Это и так понятно, – подумал Куропаткин, – подумаешь, новости!» Мишка был отъявленный, закоренелый и идейный холостяк. И еще, наверное, умница. Ну, раз так сумел распорядиться. Своей личной жизнью.

И своей личной свободой.

Труфан по жизни не напрягался – радовался тому, что имеет. А имел он крошечную однокомнатную квартирку в Беляеве, оставленную покойной бабулей, и непыльную работенку – составлял на дому дешевенькие, тыщи по полторы, юридические договоры частным лицам.

И ему, представьте, хватало. На колбасу, дешевый коньяк и китайский ширпотреб в виде байковых клетчатых рубашек, джинсов и кед. Труфан был неприхотлив и жизнью доволен. Периодически у него вспыхивали короткие и бурные романы со странными, не первой свежести, некрасивыми и часто замужними тетками.

Труфан не был эстетом. Уверял, что замужние бабы горячи и заботливы – кто супчику сварит, а кто и пирожков напечет. И в сексе торопливы и благодарны. Что, собственно, и надо Труфану. И самое главное – не задерживаются. Поделали дел – и домой, к муженьку. К мужу и деткам.

Спешат!

Когда-то Труфан подавал большие надежды – окончил юрфак, и все дороги ему были открыты: папа Труфанов был большим адвокатом. Но подергался Труфан, подергался и выбрал свободу.

Однажды друг детства Куропаткин спросил:

– А ты любил когда-нибудь, Мишка?

Труфан на минуту задумался и почесал лохматую и давно не стриженную башку.

– Да нет, пожалуй. Пожалуй, что нет, – медленно повторил он и тут же оживился: – А кого, брат, любить? – Потом горестно вздохнул и добавил: – Нет ведь достойных. Приглядишься – и нет!

Почему-то обрадовался своим выводам, вероятно найдя объяснение.

– Совсем? – недоверчиво уточнил Куропаткин. – Что, ни одной? И ни разу?

Мишка медленно покачал головой:

– Лично мне такая не попадалась. – Потом прищурил узкий и хитрый глаз и ехидно добавил: – И тебе, друже, по-моему, тоже!

Куропаткин хотел горячо возразить, но… воздержался.

Мишка стоял на пороге – лохматый, с нечесаной бородой, в ретротрениках с пузырями – и внимательно разглядывал друга. Потом тяжело вздохнул и промолвил:

– Ну… все понятно.

– Чего понятно, экстрасенс хренов? – окрысился гость. – Давай ставь картошку!

Мишка снова вздохнул, принял пакеты и поплелся на кухню.

Это был ритуал – вареная картошечка с маринованными огурчиками, колбаска в нарезку и, разумеется, водочка.

Мишка усердно чистил картошку, попыхивая сигаретой в углу пухлого рта, и что-то мычал – типа, песню.

Песни Мишка любил комсомольские, из советского детства. «И Ленин – такой молодой, и юный Октябрь впереди» – эта была самая любимая.

Еще была такая: «Я, ты, он, она – вместе целая страна!» Страны давно не было, а песня осталась.

И еще была: «Слышишь, время гудит – БАМ!» Этот БАМ – Байкало-Амурская магистраль. Стройка века. А не просто вам – БАМ – бам.

Куропаткин сел на табуретку и огляделся. Свинарник. Боже, какой же свинарник! Ну, чокнуться просто. И даже снял локоть с липкой клеенки. Кошмар!

Правда, удивился – не было грязной посуды. Совсем. Обычно – гора.

– Моешь посуду? – спросил он у друга.

– Не-а! – ответил друган. – Пользуюсь пластиком. Очень удобно. Сказка прям. Пожрал, в ведро, и – свободен.

Куропаткин поморщился – гадость какая! Как на первых шашлыках в парке у дома в начале мая. Картошка уже закипала, и Мишка стал накрывать на стол, приговаривая:

– Колбасочка сладенькая. Та-аак, улеглась. Огурчики… ух, хороши! В пупырях! Супротив. Сальцо. Сказка прям, а не сальцо. Главный продукт! Черняшечка, редисон. Стакашечки – стакашки! И – приборчики! – завершил он и победно оглядел плоды своего труда. – А? Красота? То-то, милай! – продолжал «придурствовать» он.

Ну, и присели, как говорится. А дальше – поехали!

– Пошла? – с беспокойством хозяина встревожился друг.

Куропаткин кивнул:

– Пошла. Хорошо!

Ну, и под картошечку, да под сальцо, да с огурчиками в «пупырях» – пошло не просто хорошо, а пошло замечательно. Со счастьем в глазах и в желудке.

Потом вспоминали детство и школу – это был обычный, до боли знакомый и заезженный ритуал, который им не надоедал никогда – дружба детства, она, знаете ли…

А дальше Куропаткин разнюнился. Поведал про бизнес, про кризис и Инну Ивановну. Добавил про Полинкин уход и расстроился окончательно. Просто раскис, как дитя без мягкой игрушки. Хоть плачь.

Мишка молчал, тяжко вздыхал, кивал и подкладывал другу картошечки.

А потом дал совет – как с плеча рубанул:

– А пошли ты их всех, Колян. Одновременно. Всех разом!

– Кого – всех? – не понял Колян. – В смысле – кого? – уточнил он. – Нет, ты объясни.

– Да всех разом! – упрямо повторил Мишка. – И в первую очередь – мадам Евсюкову.

Инну Ивановну он всегда называл Евсюковой – по девичьей фамилии. Так он демонстрировал свою нелюбовь, не желая отдавать ей фамилию лучшего друга – недостойна, типа того.

Ненависть у них была взаимная и долгая. Ну, антиподы, понятно. Только Куропаткин поносить друга детства не разрешал – все разрешал, а это – ни-ни! Это – святое! «А если я начну про твою Кристину и Яну?» – желчно осведомлялся он, вспоминая лучших подруг жены.

– Ага, – кивнул Куропаткин, – с этим понятно. В смысле – с этой. А дальше? Следующий кто, Ванька?

Мишка развел руками:

– Ну, Ванька тут ни при чем. Это я так, к слову.

– Ну и заткнись! – невежливо посоветовал Куропаткин. – Не тебе говорить. Ни жены, ни детей! – зло добавил он.

А Труфан обижаться не думал.

– Вот-вот! И именно поэтому я и имею право, – стал настаивать он. – Пошли – и начни новую жизнь. И ты меня вспомнишь!

– А как? Не подскажешь? – начал горячиться Куропаткин. – Советчик хренов. Забить на долги, да? На кредиты забить? На Ванькину школу? На теннис? На море забить? А у него, у Ваньки, простуды! Если без моря весь год, понимаешь? Ему море… как воздух. Усек? Матушке не помогать? А как она будет – на пенсию? Бутылки сдавать? Нет, ты ответь. Объясни, мне, дураку. Если ты такой умный…

Мишка надулся и замолчал.

– А чего приперся? Ты вроде совета просил? Или я ошибаюсь?

– Ошибаешься! – жестко отрезал Куропаткин и хлопнул ладонью по хилому старому кухонному столу. – И совета, я, кстати, у тебя не просил. Просто приехал как к другу. Душу излить. Что, нельзя? Нельзя, получается? – всхлипнул он.

– Можно, Колян, – мягко ответил Мишка и осторожно постучал рукой по плечу друга. – Конечно же, можно. А в остальном – удачи, друган! Каждый выбирает по

себе, Коля. Женщину, религию, дорогу…

Умник! Ах, какой умник! Левитанского цитирует. По себе, да. И ты, друг детских игр и забав, выбрал тоже по себе – так выходит? Срач, в котором живешь. Помойку в вонючем холодильнике. Баб своих сумасшедших и, мягко говоря, некрасивых. Отсутствие детей – от них ведь один геморрой, да, Мишань? И моря-окияны тебе не нужны, и берег турецкий. Забуришься на месяцок в глухую деревню, в кособокий домишко, и там тебе радость и счастье. Разная жизнь у нас с тобой, Мишка. Разные потребности. Но все это не отменяет моей любви к тебе. И такой же огромной привязанности…

Домой Куропаткин решил не ехать – позвонил Инне Ивановне.

Жена фыркнула в трубку что-то типа: понятное дело. Слились в экстазе два алкаша.

И трубку бросила.

«Ну и черт с тобой, любимая, – пробурчал Куропаткин, рухнув на диван. – Черт с тобой!»

Минут через пять он уснул. Устал человек, все понятно.

Мишка Труфанов еще долго сидел на кухне, курил «Беломор» и смотрел в темное окно.

«Такая вот жизнь, – потянуло его на философию, – хреновая. Хороший мужик Колян. Ответственный. Толковый. Отец замечательный. Муж. Налево не ходит, особо не пьет. Все в дом, все в семью. И результат? Где она, эта семья? Где жена, верный друг и соратник? Та, которая пожалеет, поймет? Ау! Нету – ни разу нету. Тянет с Коляна бабло – использует. Противная баба эта Евсюкова. Ох, противная! Мелкий человек, несерьезный. И еще – ненадежный. Хотя красивая, да. Фактурная очень. С такой – хоть в Канн на красную дорожку, хоть в Елисейский дворец. Но туда Куропаткина не зовут. Почему-то. А значит, достоинства Евсюковой ему ни к чему».

Мишка тяжко вздохнул: «Эх, Коля, друг детства! Растила тебя мама, тянула. Себе во всем отказывала. Бассейн, дзюдо, аккордеон. Копейки считала. Чтобы ты стал человеком. А тут – Евсюкова! И все, кранты. Нет человека, и нет мужика. Есть конь на пашне со старым плугом, вьючный осел с бурдюками и тупейший баран. И все это она, Евсюкова! Вот вам наглядный пример – как дурная баба может погубить хорошего мужика».

Мишка высыпал пепельницу, доверху полную бычариков, убрал в старенький «ЗИЛ» остатки колбасы и пошел в комнату – спать.

Долго не мог уснуть – воспоминания накрыли его с головой. И все про Коляна. Вспомнил он Катю Баленко, первую любовь Куропаткина. Красивая, да. У него и не было других. Только противная. Капризная, с вечно надутыми губами. Ныла всегда – то жарко, то холодно. То попить, то поесть. Колян суетился вокруг нее, как юла. Работать пошел на каникулах – купить Катечке ценный подарок. Заработал двести рублей и – давай покупать! Духи у спекулянтов, джинсы и золотую цепочку. Все в пакет и – на, любимая! Это тебе!

Та пакетик открыла, узким носиком повела и сделала – фи. Духи слишком бабские, душные – ей такие не нравятся. Джинсы малы. А цепочка – дерьмо. Плетение ей не то, видите ли! Ну, и как? Стоит Куропаткин, словно дерьмом вымазанный, и страдает. Бледный, расстроенный. Жалкий.

Слава богу, эта дура Баленко его бросила – нашла какого-то хмыря из МГИМО. Колян отстрадал и снова влюбился. И снова… Ох, да что говорить. Беда. Опять с Коляном беда. Следующая. Ксюша, юбочка из плюша. Да уж, из плюша, как же! На шмотках была просто повернута, все друзья – спекулянты. И снова-здорово: «Колечка, хочу джинсики голубые! С вышивкой! Курточку кожаную, зелененькую! Юбочку под курточку, тоже из кожи…»

В общем, как говорится… А этот дурак? Давай зарабатывать бабки! Чтоб Ксюшу эту чертову ублажить. Чуть из института не вылетел – так увлекся. Стал с долларями крутиться. Мать его еле тогда отмазала, а мог загреметь. Сколько мамаша его тогда денег назанимала – море! Чтобы вытащить своего дебила. Потом отдавала долго, лет пять.

Он, конечно, притих. Испугался. А через полтора года – опять за свое. Сошелся с одной певичкой. Никому не известной, конечно. В кабаке каком-то пела.

Дерьмовом, надо сказать. На рабочей окраине. И снова – красавица. Загулы любила – аж подметки летели. За ночь пять кабаков объезжали. Выпивала за ночь три бутылки шампанского. Или четыре – ну, как пойдет. И сразу в кураж. Много там чего было – гости с Кавказа, фарца, бандюганы. Ну и драки, конечно. Дурню этому Куропаткину то лицо разобьют, то руку сломают.

Замуж потом вышла за скандинава какого-то. А Куропаткин снова в страдания! Говорил, что не хочет жить. Очень боялись они за него тогда, очень. Матушка его даже в больничку устроила – в хорошую такую, по великому блату. Клиника неврозов называлась. На Шаболовке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/mariya-metlickaya/vnezapnoe-prozrenie-kuropatkina

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити